

его беседа с премьером Хрущевым “проходила не на примитивном, узколобом, а на действительно высоком уровне”. Он думал об этом величии, когда сказал премьеру, что негоже устраивать мелкие перебранки, что лидеры двух стран, проявив политическую волю и великодушие, должны прийти к необходимости благородного соперничества между Россией и Соединенными Штатами. “На уровне держав, — сказал Фрост Хрущеву, — должны быть полная откровенность и взаимопонимание”.

Фрост затронул тему культурных обменов, сказав, что сами по себе они интересны, но с их помощью ничего нельзя добиться и они мало что значат. И кроме того, они не имеют никакого отношения к реальной власти. “Мы готовы к соперничеству в спорте, науке, искусстве, демократии, — сказал он. — Мы получим возможность проверить, чья демократия победит”.

Разговор перешел к острым вопросам международной политики и поддержания государственного престижа. Чем больше Фрост упирал на свои “скромные предложения”, обеспечивающие решение берлинской проблемы в соответствии с его собственным представлением о политическом великодушии, тем напористее Хрущев выдвигал свои аргументы. В ответ на предложение Фроста объединить Западный и Восточный Берлин Хрущев выступил с жесткой критикой НАТО, неонацизма, поднявшего голову в Западной Германии, и безответственной политики западных держав, из-за попустительства которых Германия снова начинает угрожать миру и стабильности. Фрост ответил, что объединенная, демилитаризованная и широко вовлеченная в международную торговлю Германия не будет угрожать стабильности. Хрущев сказал, что Германия и так не представляет реальной угрозы, как, впрочем, и НАТО, поскольку советские ракеты меньше чем за полчаса могут стереть Европу с лица земли. Если вы действительно хотите стабилизировать ситуацию, подпишите